

18+

КРИСТИН ЭВАНС

ОБЫЧНАЯ ЛЮБОВЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Кристин Эванс

Обычная любовь. Книга третья

«Издательские решения»

Эванс К.

Обычная любовь. Книга третья / К. Эванс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-682068-5

Ее жизнь серая рутина. Она — разрывающаяся между работой, ипотекой и двумя детьми. Вечная готовка, уборка и усталость. Вечные проблемы с бывшим мужем. Он — глоток воздуха, воплощение мечты: успешный, красивый, нежный. Он подарил ей чувство, которое она давно забыла. Их случайная встреча в супермаркете кажется чудом. Но у каждой сказки есть обратная сторона. Сможет ли она доказать, что достойна быть королевой в его королевстве?

ISBN 978-5-00-682068-5

© Эванс К.
© Издательские решения

Содержание

КРИСТИН ЭВАНС	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Обычная любовь. Книга третья

Кристин Эванс

© Кристин Эванс, 2025

ISBN 978-5-0068-2068-5 (т. 3)

ISBN 978-5-0068-2015-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРИСТИН ЭВАНС

ОБЫЧНАЯ ЛЮБОВЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1

Тишина, наступившая после ухода Елены, была оглушительной. Она висела в воздухе густым, плотным звоном, в котором Ксения сначала слышала только отголоски собственного испуга. Ее мир, еще вчера расколотый на «до» и «после» той роковой сцены в офисе, теперь замер в неловком, хрупком ожидании. Как будто кто-то выключил адскую сирену, ревущую прямо в ушах, и теперь непривычная тишина сама по себе была пугающей.

Воздух действительно казался чище. В квартире Руслана, куда он привез ее после своего решительного «Все кончено», не пахло больше призрачным, удушающим ароматом дорогих духов Елены, который Ксения, казалось, улавливала даже тогда, когда их на самом деле не было. Теперь здесь пахло только кофе, который он молча сварил на своей ультрасовременной машине, и едва уловимым, знакомым и таким желанным запахом его кожи. Чистота. Свобода. Но Ксения не могла расслабиться.

Она сидела на огромном диване, укутавшись в кашемировый плед, и пила кофе из тяжелой фарфоровой чашки, боясь пролить хоть каплю на идеальную белую обивку. Руслан стоял у панорамного окна, спиной к ней, глядя на просыпающийся город. Его плечи, обычно такие напряженные и собранные, сейчас были расслаблены, почти поникши. Он сбросил пиджак, галстук был сдернут и валялся на стуле, воротник рубашки расстегнут. Он дышал медленно и глубоко, как человек, только что вышедший из ледяной воды и пытающийся отдышаться.

И Ксения ловила себя на том, что ее взгляд, против ее воли, выискивал малейшие признаки... чего? Сожаления? Сомнения? Тени на его лице, которая сказала бы: «Я совершил ошибку, отдав тебе предпочтение». Она впивалась в его профиль, в линию скул, в складку у губ, пытаясь прочесть то, что он, возможно, скрывал. Но видела лишь усталость. Глубокую, вымотанную усталость. И когда он повернулся к ней, его глаза были чистыми, прозрачными, как вода в горном озере. В них не было ни капли сожаления. Только облегчение, огромное, как океан, и такая нежная, беззащитная любовь, что у Ксения перехватило дыхание.

«Ты не представляешь, как долго я этого ждал», – тихо сказал он. Его голос был хриплым от бессонной ночи и, возможно, от пережитого напряжения. – «Сказать ей „уйди“. Разорвать этот бесконечный круг».

«Но ты же говорил... чувство долга... ты разрушил ее жизнь», – осторожно выдохнула Ксения, все еще не решаясь поверить в эту новую реальность.

Он тяжело вздохнул и подошел к дивану, опустившись рядом с ней. Он не обнял ее сразу, а просто взял ее руку в свою, крупную, теплую ладонь, и начал медленно, почти механически, перебирать ее пальцы.

«Да. Однажды я принял решение, которое стоило ей многого. Не буду вдаваться в детали, это давно похороненная история. Но с тех пор я чувствовал себя обязанным. Она цеплялась за это, используя мою вину как рычаг, как веревку, на которой можно было держать меня рядом. Сначала как мужчину, потом как начальника, как неизменную часть своего ландшафта. Я долго думал, что так и должно быть. Что это – моя расплата».

Он замолчал, глядя на их сплетенные руки.

«А потом появилась ты. И я понял, что расплачиваться можно только перед своей совестью. А перед тобой у меня другие обязательства. Обязательства быть честным. Быть свобод-

ным. Быть твоим. И никакое чувство долга перед прошлым не стоит твоих слез и того взгляда полного краха, который был у тебя в моем офисе. Ничто не стоит этого, Ксения. Ничто».

Он поднял на нее глаза, и она увидела в них не только любовь, но и твердую, стальную решимость. Решимость человека, который наконец-то провел черту и переступил через нее, не оглядываясь.

Ксения чувствовала, как камень, месяцами лежавший у нее на сердце, начал медленно, по крупинкам, крошиться и рассыпаться в прах. Но на его месте оставалась странная, зияющая пустота. Она так долго жила в состоянии осады, в постоянном ожидании удара, в борьбе с невидимым противником, что теперь, когда враг капитулировал, она не знала, что ей делать с этим внезапным, оглушительным миром.

Их жизнь медленно входила в новое русло. Они учились дышать полной грудью, и этот процесс был мучительно медленным и осторожным, как выздоровление после тяжелой болезни. Первые несколько дней Ксения инстинктивно ждала подвоха. Когда звонил его телефон, ее тело напрягалось, как струна, и она следила за его лицом, пытаясь уловить малейшую перемену в интонации. Но звонки были от клиентов, партнеров, его секретаря. Ни одного – от Елены.

Он был предельно прозрачен. Оставлял телефон на виду, мог прочитать вслух сообщение из рабочего чата, просто чтобы она слышала – ничего личного, только бизнес. Он не делал это демонстративно, не ждал за это благодарности. Это стало его новой нормой. Естественным состоянием.

Однажды вечером они были у нее дома. Дети спали. Они сидели на кухне, допивая вечерний чай, и говорили о пустяках – о том, что Ваня наконец-то подружился с кем-то в новом классе, о том, что Наташа мечтает о щенке. Было тепло, уютно, по-домашнему. И вдруг Ксения осознала, что вот уже несколько часов она не думает о Елене. Не анализирует его слова, не ищет двойного дна. Она просто... живет. Дышит. И это осознание было таким резким и волнующим, что она невольно ахнула.

«Что такое?» – насторожился Руслан, тут же отложив свою кружку.

«Ничего... – она покачала головой, и на ее губах дрогнула неуверенная, почти робкая улыбка. – Просто... я только что поняла, что мне не страшно. Вот прямо сейчас. Мне не страшно».

Он смотрел на нее, и в его глазах что-то смягчилось, растаяло. Он протянул руку через стол и ладонью коснулся ее щеки.

«Я знаю, – прошептал он. – Я тоже это чувствую. Тишину внутри. Впервые за много-много лет».

Они молча сидели так несколько минут, и Ксения чувствовала, как его тепло проникает в нее, заполняя ту самую пустоту, которая образовалась после ухода страха. Это было не мгновенное исцеление. Это было начало долгого пути. Она все еще вздрагивала, заслышав в толпе женский смех, похожий на смех Елены. Она все еще ловила себя на том, что ее рука сама тянется проверить его телефон, когда он выходил из комнаты, но она уже останавливала себя. Она научилась доверять не только ему, но и самой себе. Своей интуиции, которая сейчас, без ядовитого влияния Елены, подсказывала ей одно – он ее. Полностью. Безраздельно.

Как-то раз, перебирая вещи в шкафу, она наткнулась на то самое платье, в котором была на роковом корпоративе. Темно-синее, простое, когда-то бывшее ее лучшим выходным нарядом, а теперь навсегда окрашенное в цвет унижения и тревоги. Она достала его и долго смотрела на него, ощущая во рту горький привкус прошлого. Затем она решительно подошла к мусорному пакету и сунула платье внутрь.

Руслан, наблюдавший за ней с порога спальни, ничего не сказал. Он просто подошел, взял ее за руку и отвел в свою гардеробную. Он открыл одну из створок шкафа, забитую его дорогими костюмами и рубашками, а потом отодвинул их. За одеждой была потайная ниша –

сейф. Он набрал код, открыл тяжелую дверцу и достал оттуда не документы и не деньги, а простую картонную коробку.

«Я купил это через неделю после нашей первой ночи», – тихо сказал он, протягивая ей коробку.

Ксения, удивленная, открыла ее. Внутри, уложенное в тончайшую папиросную бумагу, лежало платье. Не огненно-красное, не черное и откровенное, а сложного цвета утренней зари – нежно-сиреневое, с золотистым подтоном. Ткань была струящейся, благородной, а покроем – одновременно скромным и невероятно соблазнительным. Оно было прекрасно. И оно было куплено тогда, когда в их мире еще не существовало Елены как угрозы, а было только начало, полное надежд и трепета.

«Я хотел подарить его тебе, когда ты будешь готова снова выйти со мной в свет. Как новый старт. Но, кажется, этот старт уже начался прямо здесь, на нашей кухне», – сказал он.

Ксения прижала платье к груди, и ее глаза наполнились слезами. Но это были не слезы боли или страха. Это были слезы облегчения. Прощения. Начала.

В ту ночь они просто спали, крепко прижавшись друг к другу. Его рука лежала на ее талии, ее голова – на его груди. Она слушала ровный, уверенный стук его сердца и под его ритм медленно, шаг за шагом, училась снова дышать полной грудью. Воздух был чист, будущее – туманно, но безоблачно. И в этой новой реальности было только двое них и тишина, которую наконец-то не нужно было бояться.

Глава 2

Идея возникла спонтанно, как вспышка света в их новой, еще не обжитой до конца реальности. Это был первый выходной, который они проводили все вместе – Ксения, Руслан, Наташа и Ваня – без тени прошлого, без тревожного ожидания звонка или взгляда, способного разрушить все в одно мгновение. Утро началось с привычного хаоса: Ваня ни в какую не хотел вставать, Наташа уже с семи утра требовала блинчиков, а кофеварка наотрез отказалась работать, выплюнув на полусонную Ксению струйку холодной коричневой жидкости.

Руслан наблюдал за этим действием, прислонившись к косяку кухонной двери. Он был одет в простые темные джинсы и мягкую серую водолазку, и от этого казался моложе, почти своим в этой небольшой, заставленной детскими вещами квартире. На его лице не было и тени раздражения или скуки, лишь спокойное, немного удивленное наблюдение. Он смотрел на то, как Ксения, бормоча что-то себе под нос, пыталась уговорить Ваню надеть носки, которые он терпеть не мог, и как она одной рукой размазывала масло по сковороде для блинчиков, а другой поправляла съехавшую набок заколку у Наташи.

«У тебя каждый день так?» – тихо спросил он, когда ей на секунду удалось вырваться из эпицентра бури и глотнуть остывший чай.

Ксения взглянула на него, ожидая увидеть насмешку или разочарование. Но увидела лишь искренний интерес.

«Это еще неплохой день, – с горьковатой усмешкой ответила она. – Сегодня никто еще не пролил сок на клавиатуру и не забыл спортивную форму. Так что да, это почти идиллия».

Он помолчал, глядя, как Наташа с восторгом наблюдает за тем, как на сковороде растекается тесто.

«А давайте... давайте сделаем что-нибудь. Все вместе. Не пойдем в ресторан или в парк развлечений. Что-то домашнее».

Именно тогда Ксения и предложила лепить пельмени. Это было первое, что пришло в голову. Бабушка когда-то учила ее своему фирменному рецепту, с особой смесью специй и луком, пассированным до золотистости. Это было дело долгое, кропотливое, почти ритуальное. Идеальное, чтобы заполнить собой весь день и стереть невидимые границы, все еще витавшие в воздухе.

Сначала Ксения сомневалась. Мир Руслана – это мир тишины в дорогих ресторанах, мир, где еду приносят, а посуду потом за тебя моют другие. Ее мир – это мир муки на столе, липких от теста пальцев и всеобщей суеты. Но он согласился мгновенно, с таким энтузиазмом, что она заподозрила подвох.

«Ты вообще когда-нибудь лепил пельмени?» – спросила она, пока они ехали в супермаркет за фаршем и мукой.

«Нет, – честно признался он, ловко лавируя между машинами в потоке. – Но я быстро учусь. И кроме того, разве это не то самое „строительство мостов“, о котором я когда-то говорил?»

Ваня, сидевший на заднем сиденье, флегматично смотрел в окно, делая вид, что не слушает. Наташа, напротив, щебетала без умолку, пытаясь объяснить Руслану, что главное в пельменях – это чтобы ушки были хорошо залеплены, а то «бабахнет в кастрюле, и все по стенкам будет».

Закупка продуктов превратилась в небольшое приключение. Руслан, привыкший к тому, что его список покупок исполняет помощник, с детским любопытством изучал полки, читал состав фарша и советовался с Ксенией о выборе муки. Ваня нехотя толкал тележку, но Ксения заметила, что он украдкой наблюдает за тем, как Руслан, сосредоточенно нахмурив брови, выбирает самый свежий укроп. Было что-то трогательное в этом могущественном мужчине,

с его состоянием и властью, который сейчас с таким серьезным видом решал, какой именно пакет со сметаной взять.

Вернувшись домой, они расчистили стол на кухне. Ксения, как заправский дирижер, расставила всех по местам: себе – замес теста, Руслану и Ване – подготовку начинки, Наташе – важнейшую миссию по раскладыванию готовых пельменей на присыпанных мукой подносах.

Началось, как и полагается, с хаоса. Замес теста – это всегда магия, и Ксения, обсыпанная мукой как зимним снегом, с упоением месила упругий ком. Руслан с неожиданной ловкостью справлялся с мясорубкой, хотя первый блин вышел комом – вернее, первый фарш. Он забыл подставить миску, и несколько сочных кусочков мяса оказались на полу, чем привлекли всеобщее внимание и вызвали взрыв смеха у Наташи.

Но настоящий апокалипсис наступил, когда за дело взялись лепкой.

Ксения раскатала тесто в тонкий пласт и показала, как нужно вырезать кружочки стаканом. Руслан повторял за ней с сосредоточенностью нейрохирурга, выполняющего сложнейшую операцию. Его первые пельмени были чудовищны. Тощие, с торчащими в разные стороны ушками, с дырявыми боками. Он смотрел на свое творение, потом на изящные, как будто штампованные, пельмени Ксении, и хмурился.

«Не смотри на меня так, – рассмеялась она. – Главное – душа, вложенная в процесс. А не форма».

«В бизнесе форма часто важнее содержания», – парировал он, но в его глазах прыгали веселые чертики.

Ваня поначалу отнекивался, делая вид, что его насильно привлекли к каторжным работам. Он лепил в стороне, один-два пельменя в минуту, нарочито небрежно и криво. Но азарт постепенно захватывал и его. Особенно когда Руслан, не глядя на него, сказал:

«Знаешь, Ваня, мне кажется, у тебя получается лучше, чем у меня. Видимо, к этому нужно иметь особый талант. Или просто не бояться испачкать руки».

Мальчик ничего не ответил, но следующие его пельмени были слеплены уже с большим старанием.

А потом случилось то, чего Ксения даже представить не могла. Наташа, которой наскучило просто раскладывать готовые изделия, решила, что Руслану не хватает «красивых узоров». Она подошла к нему с куском теста, оставшимся от вырезания кружочков, и решительно прилепила ему на щеку. Ксения замерла, ожидая реакции. Она знала, что он чистюля, что его дорогие вещи, эта водолазка, вероятно, стоившая как пол ее зарплаты...

Но Руслан не отшатнулся. Он не смахнул липкий комоч. Он повернулся к Наташе, поднял одну бровь и сказал самым серьезным тоном:

«Я так понимаю, это новый тренд в мужском макияже? Брутальный пельменный шик?»

Наташа залилась счастливым смешком. «Нет! Это чтоб ты не забыл, кто тут главный по тесту!» – и прилепила ему еще один кусочек на лоб.

И тут началось самое веселое. Ваня, видя всеобщее веселье, не выдержал и фыркнул. Потом рассмеялся. Сначала тихо, сдержанно, а потом, глядя на то, как солидный дядя Руслан сидит весь облепленный тестом, как новогодняя елка игрушками, его смех стал громким, заливистым, по-настоящему детским. Это был тот самый смех, которого Ксения не слышала от него уже много месяцев.

Руслан подмигнул Ване. «Похоже, меня захватили в плен. Требуют выкуп в виде... э-э-э... идеально слепленных пельменей?»

«Нет! – крикнула Наташа. – Требуем, чтобы ты нам сказку рассказал!»

«Сказку? – Руслан притворно задумался, перепачканной в муке рукой почесав подбородок, отчего он стал похож на белобородого деда. – Хм. Я знаю одну. Про бизнесмена, которого победило тесто».

И он начал рассказывать. Не сказку, а историю о своем первом провале. О том, как он, будучи совсем молодым, пытался запустить свой первый проект, как все рухнуло в одночасье, и он остался должен крупную сумму. Как он сидел на кухне в своей маленькой квартире и тоже лепил пельмени, потому что это было единственное, на что хватало денег, и это занятие помогало не сойти с ума от отчаяния.

«И что? – широко раскрыв глаза, спросила Наташа. – Ты их потом ел?»

«Ел, – усмехнулся Руслан. – Они были такими же уродливыми, как те, что я леплю сейчас. Но на вкус – самыми лучшими в моей жизни. Потому что я понял, что даже если все летит в тартарары, ты всегда можешь начать все сначала. С самого простого. С куска теста и мясного фарша».

Ксения слушала, и сердце ее сжималось от щемящей нежности. Он не поучал, не пытался казаться идеальным. Он делился своей уязвимостью. И в этот момент он был не богачом Русланом, а просто мужчиной на ее кухне, с тестом на лице, рассказывающим ее детям историю из своей жизни. Их миры – роскошных пентхаусов и скромных квартир с ипотекой, бизнес-джетов и поездок на метро – смешались здесь, в этом хаосе, в этой муке, в этом общем смехе.

Когда последний пельмень был торжественно уложен Наташей на поднос, они все были похожи на участников народного гуляния. Все в муке, с растрепанными волосами, но с сияющими глазами. Даже Ваня, обычно такой угрюмый, улыбался.

Вечером, когда дети, накормленные собственным «произведением искусства», уснули, Ксения и Руслан остались на кухне, чтобы привести ее в порядок. Они мыли посуду вместе, плечом к плечу. Вода была горячей, пар запотевал окна, отгораживая их от всего мира.

«Спасибо», – тихо сказала Ксения, вытирая блюдо.

«За что? За то, что устроил потоп и чуть не спалил твою кухню?» – пошутил он.

«Нет. За то, что был сегодня... своим».

Он поставил последнюю тарелку на сушилку, вытер руки и повернулся к ней. Его лицо было серьезным.

«Ксения, я и есть свой. Здесь. С тобой. С ними. Все остальное – это просто декорации. Иногда дорогие, иногда не очень. Но настоящая жизнь происходит здесь. Среди этого... – он обвел рукой заляпанную мукой кухню, – этого прекрасного, неидеального хаоса».

Он обнял ее за талию и притянул к себе. Она прижалась лбом к его груди, вдыхая знакомый запах, теперь смешанный с ароматом свежего теста и мяты. Она чувствовала его тепло, слышала ровный стук его сердца. И поняла, что он прав. Это было совершенно, до мурашек прекрасно. Не идеальная картинка из глянцевого журнала, а живая, настоящая, их общая жизнь. С пельменями, тестом на лице и детским смехом, который наконец-то прозвучал в этих стенах без тени тревоги. Их миры не просто соприкоснулись. Они начали сплетаться в одно целое, и это сплетение было прочнее любого договора и любой клятвы.

Глава 3

Идиллия, как выяснилось, была хрупким стеклянным шаром, прекрасным до тех пор, пока его не касались руки, привыкшие к грубым игрушкам. Тот выходной с пельменями стал точкой отсчета, после которой в их общий мир, такой яркий и многообещающий, вернулись тени. И исходили они не извне, а из самого неожиданного и потому самого болезненного источника – из ее собственного сына.

Сначала это были мелочи, на которые Ксения старалась не обращать внимания, списывая на усталость, плохое настроение или переходный возраст. Но эти мелочи, как мелкие острые камушки, начали сыпаться в ботинок их новой жизни, и с каждым шагом неудобство перерастало в настоящую боль.

Все началось с конструктора. Руслан, желая сделать приятное Ване, зная о его увлечении, привез ему огромный, сложный набор – точную копию какого-то космического корабля из популярного фильма. Это был не просто подарок, это был жест, попытка найти общий язык, протянуть руку. Ксения, увидев коробку, замерла в предвкушении детского восторга. Такой подарок был несбыточной мечтой для Вани, о которой он даже не смел просить.

Ваня посмотрел на коробку, на яркую картинку, потом на Руслана. Его лицо, обычно такое живое и выразительное, стало каменным.

«Спасибо», – пробормотал он без единой нотки радости, взял коробку и, не глядя, унес в свою комнату. Дверь закрылась негромко, но с таким окончательным щелчком, что у Ксения сжалось сердце.

«Он, наверное, просто устал», – поспешно сказала она Руслану, чувствуя, как по ее щекам разливается краска стыда.

Руслан лишь пожал плечами, но в его глазах она прочла легкую тень озадаченности. «Ничего страшного. Может, просто не в духе».

Но это было только начало. На следующий день, когда Руслан приехал вечером и сел за стол ужинать, Ваня, который только что с аппетитом уплетал котлеты, вдруг отодвинул тарелку.

«Я больше не хочу», – мрачно заявил он.

«Ванюша, но ты же почти ничего не съел», – удивилась Ксения.

«Не голоден», – упрямо повторил мальчик, скрестив руки на груди. Его взгляд был устремлен в стол, но Ксения чувствовала – все его существо было направлено против Руслана, сидевшего напротив.

Они доели ужин в тягостном молчании, которое не могла разрядить даже болтовня Наташи. Атмосфера была густой, липкой, как кисель. Ваня сидел, демонстративно отгородившись от всех стеной молчаливого протеста.

С каждым днем его поведение становилось все более вызывающим. Если Руслан обращался к нему с вопросом, как дела в школе или что интересного, Ваня либо отделялся односложным «нормально» или «ничего», либо вообще делал вид, что не слышит. Он перестал смотреть телевизор в гостиной, если там был Руслан. Перестал брать из его рук даже самые желанные лакомства. Однажды, когда Руслан попытался помочь ему с трудной задачей по математике, Ваня резко дернул тетрадь и пробормотал: «Я сам».

«Ваня, что с тобой? – не выдержала наконец Ксения, зайдя к нему в комнату после очередной подобной сцены. – Почему ты так себя ведешь? Руслан же хочет как лучше».

«А зачем он тут все время? – выпалил мальчик, его глаза горели гневными слезами. – Раньше он приезжал, и уезжал. А теперь он везде! На кухне, в ванной, за нашим столом! Это наш дом!»

«Он здесь, потому что я его люблю, и потому что он нам не чужой», – стараясь говорить спокойно, ответила Ксения, чувствуя, как внутри у нее все обрывается.

«Ты его любишь, а нас? – голос Вани дрогнул. – Ты теперь все время смотришь на него. Улыбаешься ему. А нам... нам ты как будто „надо“. Как суп сварить „надо“ или уроки проверить „надо“».

Эти слова ударили Ксению с такой силой, что у нее перехватило дыхание. Она опустилась на край его кровати, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

«Ванюша, родной мой, это неправда. Я люблю вас больше всего на свете. Вы мои дети. Вы – моя жизнь».

«Но теперь твоя жизнь – это он! – почти крикнул он. – И он тебе нужнее! Он богатый, он все может, он дарит тебе платья и водит в рестораны! А мы... мы тебе мешаем!»

Он разрыдался, громко, безнадежно, скрыв лицо в подушке. Ксения обняла его, прижала к себе, но его тело было напряжено, как струна, он не обнимал ее в ответ. Она гладила его взъерошенные волосы, шепча слова утешения, но сама чувствовала себя абсолютно беспомощной. Ее сердце разрывалось на части. С одной стороны – ослепительное, долгожданное счастье с мужчиной, который ее любит и ценит. С другой – слезы ее сына, ее первого мальчика, который чувствовал себя преданным и брошенным.

Она вышла из его комнаты с тяжелым камнем на душе. Руслан ждал ее в гостиной. Он все слышал. Его лицо было серьезным.

«Прости, – прошептала Ксения, чувствуя, как слезы подступают к горлу. – Он не хотел... он просто ребенок».

«Не извиняйся, – тихо сказал он. – Он прав. Я вторгся в его территорию. Я занял часть твоего внимания, которое раньше принадлежало только ему и Наташе. Для него я – чужак, который пытается украсть его маму».

«Но что мне делать? – голос Ксении сорвался. – Я не могу отказаться от тебя. Но я не могу видеть, как он страдает. Это неправильно! Мое счастье не должно причинять боль моему ребенку!»

Она разрыдалась, наконец-то позволив себе ту боль и отчаяние, которые копились в ней все эти дни. Руслан не стал утешать ее пустыми словами. Он просто подошел, обнял ее и держал, пока ее плечи не перестали трястись от рыданий.

«Мы найдем выход, – сказал он, и в его голосе не было сомнений. – Мы не можем заставить его принять меня силой. Это его мир, и мы в него вломились. Значит, нам нужно заслужить право там остаться. Вернее, мне нужно».

Кульминация наступила в пятницу. Руслан договорился в ресторан, в тот самый, уютный, с диванчиками, где было их первое свидание. Он хотел пойти все вместе, как семья.

«Я не пойду», – заявил Ваня, услышав о планах.

«Ваня, пожалуйста, – взмолилась Ксения. – Там такие вкусные десерты, ты же любишь...»

«Не пойду, и все! – он топнул ногой, его лицо исказила гримаса гнева. – Не хочу я с ним ужинать! Он мне не отец!»

В воздухе повисла тяжелая, оглушительная тишина. Даже Наташа притихла, понимая, что происходит что-то очень серьезное. Руслан, который как раз надевал пиджак, замер. Он медленно повернулся к Ване. Он не злился. Он смотрел на мальчика с глубоким, почти взрослым пониманием.

«Хорошо, – спокойно сказал Руслан. – Никто не заставляет. Это твое решение, и я его уважаю».

Затем он посмотрел на Ксению. В его глазах она прочла не обиду, а решимость.

«Идите с Наташей. Проведите хорошо время. А мы с Ваней останемся здесь. Если, конечно, он не против моего общества».

Ксения хотела возразить, испугаться, оставить их под присмотром соседки, что угодно, лишь бы не оставлять сына наедине с человеком, на которого тот сейчас смотрел как на врага. Но что-то в строгом, собранном выражении лица Руслана остановило ее. Это был не взгляд влюбленного мужчины, а взгляд стратега, видящего корень проблемы и готового вступить в бой.

«Мама, пойдем, а то опоздаем!» – потянула ее за руку Наташа, уже предвкушая торт.

Ксения позволила дочери увести себя из квартиры, чувствуя себя предательницей. Она шла по улице, держа Наташину руку, а в ушах у нее стояла гробовая тишина, оставшаяся за ее спиной. Ей казалось, что она оставила дома бомбу с часовым механизмом. Ее счастье, такое хрупкое и новое, трещало по швам, и трещина эта проходила прямо через сердце ее сына. Она смотрела на веселящуюся Наташу, на огни города, на свое отражение в витрине – ухоженной, красивой женщины, которую любит прекрасный мужчина, – и не чувствовала ничего, кроме острой, режущей боли. Какой смысл был в этом всем, если ценой ее личного счастья становилось счастье ее ребенка? Мир, который они с Русланом начали с таким трудом строить, рушился, подточенный изнутри тихим, но яростным сопротивлением маленького человека, который отчаянно защищал то, что считал своим. И в этот момент Ксения поняла, что это – самое тяжелое испытание за все время их с Русланом отношений. Испытание, исход которого был неизвестен.

Глава 4

Дверь закрылась за Ксенией и Наташей, и в квартире воцарилась тишина, такая густая и звенящая, что Ваня, казалось, слышал, как бежит кровь в его собственных жилах. Он стоял посреди гостиной, сжав кулаки, всем своим видом выражая готовность к бою. Он ожидал криков, упреков, попыток умирить его или, что еще хуже, жалости. Он приготовился к тому, что этот большой и важный дядя начнет читать ему нотации о том, как нужно себя вести, или, того хуже, попытается подкупить его новой игрушкой.

Но Руслан не сделал ничего из этого. Он молча постоял секунду, глядя на мальчика, потом медленно снял пиджак, который уже надел для выхода, и аккуратно повесил его на спинку стула. Движения его были спокойными, неторопливыми, лишенными какой бы то ни было агрессии или раздражения. Он прошел на кухню, достав из шкафа два стеклянных стакана, налил в один компот, который сварила Ксения, а в другой – простой воды из фильтра. Затем он вернулся в гостиную и поставил стакан с компотом на журнальный столик перед Ваней.

«Садись», – сказал он просто. Не приказом, не просьбой, а констатацией факта. Тонем, который не предполагал возражений, но и не был унижающим.

Ваня, ошеломленный такой реакцией, непроизвольно подчинился. Он плюхнулся на диван, сгорбившись и уставившись в узор на ковре. Руслан сел в кресло напротив, отпил глоток воды и поставил стакан на стол. Он не сводил с Вани спокойного, внимательного взгляда. Минуту, другую, они сидели в молчании. Давление этой паузы было невыносимым, и Ваня, в конце концов, не выдержал.

«Ну и что? – выпалил он, поднимая на Руслана взгляд, полный ненависти и слез. – Будешь меня ругать? Или жаловаться маме? Говори уже!»

Руслан покачал головой.

«Нет. Я не собираюсь тебя ругать. И жаловаться не буду. Я хочу поговорить с тобой. Не как со сварливым ребенком, на которого нужно кричать. А как с мужчиной. С самым главным мужчиной в жизни твоей мамы. По крайней мере, до моего появления».

Эти слова застали Ваню врасплох. Он выпрямился, смущенный. Его готовность к обороне вдруг оказалась ненужной. Его враг не атаковал. Он предлагал переговоры.

«Я тебя ненавижу», – прошипел Ваня, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Это была скорее отчаянная попытка вернуть себе контроль над ситуацией.

«Я знаю, – спокойно ответил Руслан. – Или, по крайней мере, тебе так кажется. И у меня есть предположение, почему. Ты считаешь, что я пришел, чтобы занять твое место. Чтобы отобрать у тебя маму. Стать твоим новым папой».

Ваня сглотнул, его глаза снова наполнились слезами, но он отчаянно моргал, чтобы их сдержать. Мужчины не плачут.

«Так оно и есть! – выкрикнул он. – Ты теперь все время тут! Она смотрит на тебя, улыбается тебе! А на нас... на нас у нее уже нет времени! Раньше мы вечерами читали, а теперь она ждет, когда ты приедешь!»

«Понимаю, – кивнул Руслан. Его лицо было серьезным. – И ты, как настоящий мужчина, защищаешь свою территорию. Свою семью. Я бы на твоём месте делал то же самое. Может, даже дрался бы».

Ваня смотрел на него с растущим изумлением. Он ожидал всего чего угодно, но только не этого – не понимания.

«Но я хочу, чтобы ты понял одну очень важную вещь, – продолжал Руслан, наклонившись вперед и оперев локти на колени. Его взгляд стал еще более интенсивным. – Я не пытаюсь

заменить твоего папу. Никогда и ни при каких условиях. У тебя есть отец. Какой бы он ни был, он твой папа. И это навсегда. Я не конкурент ему. И я не конкурент тебе».

«Тогда кто ты? – с вызовом спросил Ваня, но в его голосе уже пробивалось любопытство. – Зачем ты тут?»

«Я – человек, который любит твою маму, – просто сказал Руслан. – И который хочет быть рядом с ней. И с вами. Но моя роль – не заменить кого-то. Моя роль – добавить что-то. Сделать ее жизнь легче. Сделать ее счастливее. А знаешь, что делает ее счастливее больше всего на свете?» Он сделал паузу, давая Ване усвоить вопрос. «Вы с Наташей. Твое хорошее настроение. Твои успехи. Твоя улыбка. Когда ты несчастен, она несчастна вдвойне. И она разрывается между мной и тобой. И это мучает ее. А я не хочу, чтобы она мучилась. Я хочу, чтобы она была счастлива. И для этого мне нужен такой союзник. Не соперник».

Ваня слушал, завороченный. Никто в его жизни никогда не говорил с ним так серьезно, так по-взрослому. Даже мама, даже папа. С ним всегда сюсюкались, его успокаивали или, наоборот, ругали. А этот человек говорил с ним как с равным.

«Какой союзник?» – недоверчиво спросил он.

«Союзник в защите, – четко произнес Руслан. – Я вижу, какой ты у нее уже большой. Сильный. Умный. Ты – главный мужчина в этом доме. И твоя работа – защищать маму и Наташу. От всех бед, больших и маленьких. От глупых учителей, от вредных соседей, от проблем с деньгами, от всего. Но однажды, Ваня, проблемы могут стать слишком большими для одного мальчика. Даже для такого сильного. И тогда тебе понадобится помощь. Не замена. А помощь. Как у солдат есть товарищи, которые прикрывают спину».

Он снова сделал паузу, давая словам проникнуть в самое сердце.

«Я не хочу отбирать у тебя твою роль защитника. Я просто хочу помочь тебе ее выполнять. Хочешь, я научу тебя, как это делать? Как по-настоящему, по-мужски, заботиться о тех, кого любишь?»

В глазах Вани что-то дрогнуло. Вся его злость, все его отчаяние были построены на страхе – страхе потерять маму, потерять свое место, оказаться ненужным. А этот человек не отбирал его место. Он предлагал ему это место укрепить и сделать еще более значимым. Он предлагал ему не стать папой, а стать... наставником. Старшим товарищем.

«Как... как научишь?» – сдавленно спросил Ваня, пытаясь сохранить остатки своего гнева, но они уже таяли, как снег на весеннем солнце.

«Для начала, – сказал Руслан, – мы можем начать с малого. Например, я могу показать тебе пару приемов, как постоять за себя, если во дворе к тебе пристают. Не чтобы драться, а чтобы уметь себя защитить. Или научить тебя чинить простые вещи в доме. Чтобы мама не тратила деньги на мастеров. Или объяснить, как устроены деньги. Чтобы ты понимал, откуда они берутся и куда уходят. Чтобы, когда ты вырастешь, ты был готов ко взрослой жизни и мог обеспечить свою семью. Быть защитником – это не только силой. Это в первую очередь умом, знаниями и ответственностью».

Ваня сидел, не в силах вымолвить ни слова. Его мир переворачивался с ног на голову. Этот человек, которого он считал врагом, предлагал ему то, о чем он даже не смел мечтать – знания, силу, уважение. Он предлагал сделать из него настоящего мужчину. Не того, кем был его собственный папа, вечно занятый и необязательный, а другого – сильного, надежного, того, на кого можно положиться.

«А... а мама? – тихо спросил он. – Ты ее не забереешь у нас?»

Руслан мягко улыбнулся, и в его улыбке не было ни капли злорадства или победы. Только теплота.

«Ваня, любовь – это не пирог, где кому-то достанется меньший кусок. Чем больше любви ты отдаешь, тем больше ее становится. Моя любовь к твоей маме не отнимает ее любовь к тебе. Она – как еще одно солнце в вашем небе. Оно светит и греет сильнее. Я не заберу ее. Я просто

буду рядом. Чтобы помогать ей. И чтобы помогать тебе. Мы можем быть одной командой. Командой защитников Ксении и Наташи. Как думаешь?»

Ваня опустил голову, разглядывая свои потрепанные кеды. Внутри него бушевала буря. Гордость боролась с желанием принять это предложение. Страх потерять маму – с новой, странной надеждой обрести союзника. Он медленно поднял взгляд и посмотрел Руслану прямо в глаза. Впервые за все время он смотрел на него не как на врага, а как на... человека.

«Ладно, – сдавленно выдохнул он. – Попробуем».

Это было не прощение. Это не было мгновенным принятием. Это было перемирие. Первый, самый трудный шаг.

Когда через пару часов вернулись Ксения и Наташа, они застали странную картину. Ваня и Руслан сидели на полу в гостиной. Перед ними лежала разобранный до винтиков старая настольная лампа, которая много месяцев пылилась на антресолях. Руслан что-то объяснял, показывая на провода, а Ваня слушал его с таким сосредоточенным вниманием, с каким никогда не слушал объяснений на уроках.

Ксения замерла на пороге, боясь спугнуть это хрупкое чудо. Она посмотрела на Руслана с безмерной благодарностью. Он встретил ее взгляд и едва заметно кивнул. Все в порядке. Пока все в порядке.

Ваня не бросился ей навстречу, не стал рассказывать о своем «мужском разговоре». Но когда она спросила: «Как вы тут?», он, не отрываясь от лампы, коротко бросил:

«Ничего. Делом занимаемся».

И в этих словах, в его новом, более спокойном и взрослом тоне, Ксения почувствовала, что самый страшный шторм, возможно, миновал. Он не прошел бесследно, но их корабль, хоть и потрепанный, уцелел. И теперь у них был еще один член команды, готовый помочь его вести через любые бури.

Глава 5

Приглашение пришло за неделю. Официальное, на плотном кремовом картоне, с изящной золотой вязью. Благотворительный вечер в поддержку детских домов, проводимый одним из влиятельных деловых партнеров Руслана. Год назад, даже полгода назад, такое приглашение вселило бы в Ксению чистый ужас. Теперь же, держа в руках изящный конверт, она почувствовала не страх, а странное, звенящее спокойствие. Это был не вызов, а очередная проверка. Но на сей раз она была готова ее выдержать.

Она не стала заказывать платье у дорогого дизайнера, как настаивал Руслан. Не пошла в бутик, где продавцы смотрят на тебя свысока, оценивая сумму на твоей карте. Она помнила то сиреневое платье, подаренное им, – символ нового начала. Но на этот раз ей хотелось чего-то своего. Не подаренного, не купленного по его указанию, а выбранного ею самой.

Она потратила целый день, обойдя десятки магазинов, и в конце концов нашла его в небольшом ателье, затерявшемся в старой части города. Платье было глубокого изумрудного цвета, цвета лесной тени и тайны. Оно не блестело, не кричало. Его шили из матового бархата, и его красота заключалась в безупречном крое, подчеркивающем каждую линию ее тела, и в скромной, но изысканной отделке – тонком кружеве на тонких бретельках и вдоль декольте. Оно не было самым дорогим. Но оно было ее. В нем она чувствовала себя не Золушкой, примеряющей хрустальную туфельку, а королевой, нашедшей наконец свои настоящие одежды.

Вечер настал. Руслан, заехавший за ней, застыл на пороге, увидев ее. В его глазах вспыхнул не просто восторг, а нечто большее – глубочайшее признание.

«Ты потрясающе выглядишь», – выдохнул он, и в его голосе прозвучала та самая нотка, которая значила больше, чем все комплименты мира. Он был одет в строгий смокинг, подчеркивающий его широкие плечи и спортивную фигуру, но в этот момент он смотрел на нее не как на аксессуар, а как на равную.

«Спасибо, – улыбнулась она, принимая его руку. – Я готова».

Дорога в машине прошла в спокойном молчании. Он не давал ей последних наставлений, не называл имена важных гостей. Он просто держал ее руку, и его большой палец нежно проводил по ее коже, передавая ей свое спокойствие и уверенность. Она смотрела в окно на мелькающие огни города и ловила себя на мысли, что не боится. Не боится ошибиться, не боится косых взглядов, не боится его мира. Этот мир теперь был и ее миром тоже.

Лимузин плавно остановился подъезде ослепительно освещенного особняка, где проходил вечер. Красная дорожка, вспышки фотокамер, гул голосов. Год назад ее ноги подкосились бы от страха. Сейчас она вышла из машины с высоко поднятой головой, ее рука лежала на сгибе руки Руслана не как цепкая лапка испуганной птицы, а как жест партнерства, равенства.

Они вошли в зал. Зал был огромным, залитым светом хрустальных люстр, наполненным гулом бесед и ароматом дорогих духов и цветов. На мгновение Ксению ослепило это великолепие – дамы в бриллиантах и вечерних платьях от кутюр, мужчины в безупречных смокингах. Но это мгновение длилось недолго. Она сделала глубокий вдох и почувствовала, как по ее телу разливается странное, могучее спокойствие. Она не была здесь гостьей. Она была здесь хозяйкой. Хозяйкой своей судьбы, которая привела ее сюда.

Первый же взгляд, который она поймала на себе, был исполнен нескрываемого любопытства и легкой насмешки. Это была элегантная женщина в возрасте, с идеальной седой строгой и в платье, которое кричало о своей цене.

«Руслан, дорогой, – произнесла она, подходя к ним, и ее взгляд скользнул по Ксении, как бы оценивая ее с головы до ног. – Как я рада тебя видеть. И твою... спутницу».

Ксения почувствовала, как рука Руслана на ее локте чуть сжалась, готовясь взять слово, чтобы представить ее, защитить. Но она была быстрее. Она мягко высвободила свою руку и сделала маленький шаг вперед, встречая взгляд женщины с безмятежной улыбкой.

«Ксения, – представилась она сама, протягивая руку. Ее рукопожатие было уверенным, но не сильным. – Очень приятно».

Женщина, немного ошарашенная такой самостоятельностью, на секунду замерла, затем автоматически пожала ее руку.

«Ирина Владимировна, – отрекомендовалась она. – Я давно знаю Руслана. Еще со времен его первых проектов». Ее взгляд снова метнулся к платью Ксении, ища изъян, недорогую ткань, кривой шов. Но не находил ничего. Только безупречный вкус и достоинство.

«Он часто вспоминает тех, кто поддерживал его в начале пути, – мягко парировала Ксения. – Очень ценно встретить человека, который знает всю дорогу, пройденную с нуля».

Ирина Владимировна медленно кивнула, и насмешка в ее глазах поугасла, уступив место уважительному интересу. Они обменялись еще парой любезностей, после чего женщина удалилась.

«Ты... – начал Руслан, глядя на нее с нескрываемым восхищением.

«Я просто была собой, – перебила его Ксения, снова беря его под руку. – И, кажется, это сработало».

Вечер продолжился. Она не пряталась за его спину. Она шла рядом, отвечала на вопросы, поддерживала беседу. Ее не смущали разговоры о искусстве или экономике – годы выживания в одиночку научили ее быстро разбираться в самых разных темах. Она не пыталась блеснуть эрудицией, но когда ее спрашивали, ее ответы были умными, взвешенными и лишенными подобострастия.

Конечно, без ядовитых уколов не обошлось. К ним подошел упитанный мужчина с довольным выражением лица, один из тех, кто считал, что деньги дают право на бестактность.

«Ну что, Руслан, нашел наконец-то ту, что скрасит твое одиночество? – громко расхохотался он, похлопывая Руслана по плечу. – А то с твоим графиком некогда даже на личную жизнь время найти. Хорошо, что есть красивые женщины, готовые скрасить суровые будни бизнесмена».

Воздух вокруг них застыл. Руслан нахмурился, его челюсть напряглась. Но Ксения снова опередила его. Она повернулась к мужчине, и ее улыбка стала чуть шире, но в глазах зажегся холодный огонь.

«Вы ошибаетесь, – сказала она голосом, тихим, но четким, как удар хрустального колокольчика. – Мы не скрашиваем друг другу будни. Мы строим общее будущее. А для этого, как вы верно заметили, у Руслана очень плотный график. Но на самое главное время всегда находится».

Мужчина замер с открытым ртом, покраснел и, пробормотав что-то невнятное, поспешил ретироваться. Руслан смотрел на нее, и в его глазах горела такая гордость, такая безудержная любовь, что у Ксении перехватило дыхание.

«Ты просто невероятна, – прошептал он, наклоняясь к ее уху. – Ты превращаешь их яд в мед».

«Я просто перестала бояться, – ответила она, глядя прямо перед собой на сверкающую толпу. – Раньше я думала, что этот мир хочет меня унижить, растоптать. А теперь я вижу – он просто проверяет на прочность. И я поняла, что я – крепкий орешек».

Они медленно двигались по залу, и Ксения чувствовала, как на нее смотрят. Но теперь это были не взгляды оценки или насмешки. Это было любопытство, уважение, а где-то и зависть. Она видела, как женщины шепчутся за ее спинами, глядя на ее платье, на ее осанку, на то, как смотрит на нее Руслан. Она видела, как мужчины провожали ее заинтересованными взглядами. Она была не тенью могущественного мужчины, а его сияющим отражением. Его равной.

В какой-то момент вечера объявили благотворительный аукцион. Среди лотов была картина молодой, но уже известной художницы. Руслан собирался сделать ставку, но Ксения мягко положила руку на его запястье.

«Позволь мне», – попросила она.

Он удивленно поднял бровь, но кивнул. Когда аукционист объявил лот, Ксения подняла свой номер. Ее ставка была не самой крупной, но уверенной. Несколько человек попытались ее перебить, но она спокойно и настойчиво продолжала торги. В ее голосе не было истеричности или желания любой ценой заполучить вещь. Была та самая уверенность, которая заставляет других отступить.

Молоток аукциониста стукнул в ее пользу. Картина была ее.

«Почему именно эта?» – тихо спросил Руслан, когда им принесли лот.

Ксения посмотрела на полотно. На нем была изображена женщина, стоящая на краю скалы лицом к штормовому морю. Ее волосы развевались на ветру, а поза выражала не страх, а вызов и полное принятие стихии.

«Потому что она – о нас, – улыбнулась Ксения. – О том, что любая буря – это просто еще один пейзаж твоей жизни, если ты найдешь в себе силы встретить ее, стоя».

В конце вечера, когда они уже собирались уходить, к ним подошла Ирина Владимировна, та самая, с которой Ксения разговаривала вначале.

«Ксения, дорогая, – сказала она, и в ее голосе теперь звучало неподдельное уважение. – Я хотела бы пригласить вас на следующей неделе на ланч. У меня есть один благотворительный проект, связанный с поддержкой матерей-одиночек. Мне кажется, ваш опыт и ваша энергия были бы бесценны».

Ксения приняла приглашение с той же уверенной улыбкой. Она понимала, что это был не просто ланч. Это было признание. Пропуск в тот самый круг, который еще недавно казался ей неприступной крепостью.

В лимузине, по дороге домой, она сняла туфли на высоких каблуках и с наслаждением потянулась. Усталость приятной волной накатывала на нее.

«Знаешь, – сказал Руслан, глядя на ее профиль в свете уличных фонарей. – Сегодня я был самым гордым мужчиной на свете. Ты была королевой. И все это видели».

Ксения повернулась к нему. В полумраке салона ее глаза сияли, как два изумруда.

«Я не королева, Руслан. Я просто наконец-то стала собой. Той, кем должна была быть. И спасибо тебе за это. Ты не пытался меня переделать, не запихнул в рамки своей жизни. Ты просто дал мне пространство, чтобы вырасти».

Он взял ее лицо в свои ладони и нежно поцеловал. Это был не страстный поцелуй, а поцелуй-обет, поцелуй-благодарность.

«Я люблю тебя, – сказал он, и в этих простых словах был весь мир. – Такую, какая ты есть. И такую, в какую ты превращаешься».

Ксения прижалась лбом к его лбу и закрыла глаза. Она думала о вечере, о взглядах, о своих ответах, о картине. Она больше не была гостьей в чужой жизни. Она не была украшением на руке успешного мужчины. Она была Ксенией. Матерью, любовницей, личностью. Она держала судьбу в своих руках, и никому не позволяла вырвать ее. Это был не просто успех. Это был триумф. Тихий, без фанфар, но оттого не менее значимый. Триумф духа над страхом, личности над обстоятельствами. И она знала – это был только начало.

Глава 6

Идея поехать к его матери родилась у Руслана внезапно, но прозвучала так, будто он вынашивал ее давно. Они как раз завтракали в ее квартире в субботнее утро, и Наташа с упоением рассказывала о новом щенке соседки, а Ваня с видом знатока объяснял Руслану, почему одна модель велосипеда лучше другой.

«Хочу свозить вас к маме», – сказал Руслан, откладывая ложку и глядя на Ксению. В его голосе не было ни тени сомнения или испытания. Это было простое, ясное предложение. Но для Ксении оно прозвучало громче любого признания в любви или делового предложения.

Сердце ее дрогнуло и ушло куда-то в пятки. Встреча с матерью. Для любого человека это рубеж, важный и пугающий. А для нее, женщины с двумя детьми, с прошлым, с абсолютно иным социальным слоем, это было похоже на экзамен перед самым строгим и пристрастным экзаменатором в мире. Мать Руслана. Женщина, родившая и воспитавшая этого мощного, сложного, блестящего мужчину. Какая она? Наверное, элегантная, холодная, с взглядом, просверливающим тебя насквозь, живущая в таком же пентхаусе, как и ее сын, и взирающая на мир свысока.

«Она... она знает? Про меня? Про детей?» – сдавленно спросила Ксения, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Руслан улыбнулся ее испуганному лицу.

«Знает. Все. И ждет не дождется познакомиться. Не бойся, она не кусается».

Но Ксения боялась. Страх был плотным и липким, как смог. Он заполнял все ее существо, пока они ехали за город, в тот самый спальный район, где, как он когда-то рассказывал, прошло его детство. Она представляла себе роскошный коттедж, но Руслан свернул в знакомый ей район панельных девятиэтажек. Машина остановилась у одного из таких домов, ничем не примечательного, разве что подъезд был покрашен свежее других.

«Она живет... здесь?» – не удержалась Ксения.

«Здесь», – кивнул Руслан. – Я много раз предлагал ей переехать. Говорил, куплю квартиру в центре, дом за городом. Она всегда отказывалась. Говорит, здесь ее жизнь, ее соседи, ее рынок, где ее знают и дают самую свежую сметану. А в тех „хоромах“, как она выражается, она зачахнет от скуки».

Он говорил это с легкой улыбкой, в его глазах читалась нежность и глубочайшее уважение. Ксения, все еще напряженная, молча последовала за ним в подъезд. Лифт довез их до пятого этажа. Руслан достал ключ, но дверь открылась сама, прежде чем он успел вставить его в замочную скважину.

На пороге стояла она. Невысокая, плотная женщина с седыми, коротко стриженными волосами и лицом, испещренным морщинами, которые лучиками расходились от глаз и уголков губ. Лицо, которое видело жизнь. На ней была простая ситцевая платье и вязаный коричневый кардиган. Никакой роскоши, никакого лоска. Только невероятное, спокойное достоинство.

«Русланчик, опоздал на семь минут, – произнесла она хриловатым, но очень теплым голосом. – Я уж думала, у тебя там опять эти твои миллионы срочно спасти пришлось». И затем ее взгляд, острый, как шило, устремился на Ксению. Но это не был взгляд оценки или осуждения. Это был взгляд глубокого, бездонного интереса.

«Мама, это Ксения. И это Наташа и Ваня», – сказал Руслан, пропуская их вперед.

Ксения замерла на пороге, чувствуя себя не в своей тарелке, но женщина, не говоря ни слова, шагнула вперед и обняла ее. Обняла просто, по-матерински, крепко и по-деревенски душевно. От нее пахло свежим хлебом и ванилью.

«Заходите, родные, не стойте на пороге, сквозняк», – сказала она, отпуская ошеломленную Ксению и уже наклоняясь к детям. – А вы-то какие красавцы! Наташенька? А ты, видно, Ваня. Руслан говорил, ты у него по механике главный консультант».

Дети, обычно стеснительные с незнакомцами, почему-то сразу же потянулись к ней. Наташа доверчиво вложила свою ладошку в ее жилистую руку, а Ваня, смущенно улыбаясь, пробормотал: «Здравствуйте».

Квартира была небольшой, но уютной до слез. Старая, но добротная мебель, вышитые салфетки на комод, горшки с гераньками на подоконниках и икона в углу. Повсюду стояли фотографии в рамках: Руслан-первоклассник с огромным букетом, Руслан-подросток, худой и угловатый, Руслан в военной форме, Руслан в костюме и с дипломом. Вся его жизнь, выстроенная в хронологическом порядке на полках скромной квартиры.

«Проходите, садитесь за стол, самовар уже шипит, пироги только из духовки», – хлопотала Валентина Ивановна, именно так, как представилась мать Руслана.

Стол ломился от яств: домашние пироги с капустой и мясом, ватрушки, соленые огурчики, варенье из крыжовника. Все было простым, душевным, приготовленным с огромной любовью. Руслан, этот гигант бизнеса, сидел на крошечном табурете и с видимым наслаждением уплетал мамин пирог, запивая его чаем из настоящего самовара. Он казался здесь другим – более молодым, расслабленным, сбросившим с себя всю свою броню важности и власти.

Ксения, все еще скованная, молча разливала чай. Валентина Ивановна наблюдала за ней внимательно, но ненавязчиво.

«Русланчик, сбегай-ка в кладовку, принеси баночку того малинового варенья, для Наташеньки», – попросила она сына.

Тот, без единого слова возражения, как мальчишка, подчинился и вышел. Ксения понимала, что это был тактический ход. Они остались одни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.